

КОНЦЕПЦИЯ КАРНАВАЛА М. М. БАХТИНА КАК ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

М. Е. Саранцева

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5,
220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *romashka.star@mail.ru*

Карнавальная концепция культуры М.М.Бахтина рассматривается и утверждается как актуальная парадигма для исследования современной культуры. Пограничность феномена карнавала позволяет рассматривать его как индикатор культурно-исторических трансформаций. Используя модель М.М.Бахтина становится возможным концептуальное рассмотрение современных культурно-исторических трансформаций с культурологической точки зрения и исследование Диалога культур.

Ключевые слова: карнавал; карнавальная концепция культуры; диалог культур; культурно-исторические трансформации.

M. M. BAKHTIN'S CARNIVAL CONCEPT AS AN EXPLANATORY MODEL OF CULTURAL AND HISTORICAL TRANSFORMATIONS

M. E. Sarantseva

Belarusian State University,
Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *romashka.star@mail.ru*

M. M. Bakhtin's Carnival concept of culture is reviewed and approved as an actual paradigm for modern cultural researches. The borderline of the Carnival phenomenon let it be reviewed as an indicator of cultural and historical transformations. Using M. M. Bakhtin's model makes possible the conceptual consideration of modern cultural and historical transformations from the point of view of Cultural studies and the research of The Dialogue of cultures.

Keywords: carnival concept of culture; Dialogue of cultures; cultural and historical transformations.

Помимо диалогического подхода к пониманию культуры, в ходе исследования творчества Ф. Рабле Михаил Бахтин предложил концепцию смеховой культуры и назвал карнавал высшей степенью ее проявления. Карнавал становится исключительно наглядным воплощением сущности смеховой концепции культуры, феноменом, находящийся на грани реальности и игры и рассеивающий всякие рамки: «Итак, в карнавале сама жизнь играет, а игра на время становится самой жизнью. В этом специфическая природа карнавала, особый род его бытия» [1].

Согласно Бахтину, «карнавал представляет собой культурный и массовый поведенческий феномен, фундированный соответствующим “типом образности”, значимый компонент средневековой и ренессансной культуры... не только форма карнавала в узком и точном смысле, но и вся богатая и разнообразная народно-праздничная жизнь средних веков и Возрождения... Карнавал – это вторая жизнь народа, организованная на начале смеха. Это его праздничная жизнь» [1].

Именно карнавальным смехом, согласно Бахтину, становится фундаментом для народной повседневной культуры и связывает народ со стихией жизни. Карнавальным смехом, как и сам карнавал, всегда всенароден, универсален и амбивалентен: «Всенародность представляет собой не индивидуальную реакцию на что-то смешное, а смех всех участников карнавального действия: смеются все без исключения. Универсальность заключается в направленности смеха на всех и на все без исключения. Высмеиванию подвергаются как социальные иерархические отношения, так и пороки, поступки людей. Весь мир представляется “смешным, воспринимается и постигается в смеховом аспекте, в своей веселой относительности”. Амбивалентность смеха проявляется в двойственном отношении к миру. Смех ликующий является одновременно насмешливым, утверждающим и отрицающим, рождающим и хоронящим» [3]. Таким образом, карнавальным смехом, опираясь на описанные на слайде сущност-

ные его характеристики, можно считать катализатором самого карнавала.

Карнавальная концепция культуры М. М. Бахтина является одной из наиболее актуальных парадигм для исследования современной культуры. В условиях самоосмысления народной культуры страны лежит карнавальное мироощущение, которое является смеховым по своей сути. Такое мироощущение олицетворяет принцип вечного движения и взаимоперехода жизни и смерти, рождения и угасания, создавая ситуацию пограничности, которая так необходима для подлинного диалога культур.

Карнавал позволяет заново переживать многочисленные рождения и угасания мира, человека, его бытия. Это достигается за счет метафоричности карнавала. Будучи явлением на границе, карнавал способствует творческой деятельности и красноречивому самовыражению его участников. Чаще всего карнавальная метафора строится на контексте, отраженном в прошлом, а процесс «смыслоподражания» всегда сопровождается проверкой границ дозволенного. Необходимость такого преодоления запретов обусловлена созданием особого карнавального поведения, по определению и сущности отличного от бытового. «Текст в тексте» создает ситуацию двойного декодирования, где подлинным текстом становятся не соответствующие два контекста: тот, который наличествует и тот, к которому отсылает первый – а диалог этих текстов, тот текст, который создается на границе двух существующих и обладает высокой художественной условностью, когда условное становится реальным.

Проиллюстрировать это может следующая ситуация: в условиях восприятия официальных и карнавальных мероприятий как бинарных оппозиций, тексты, произнесенные на первых, неизбежно переосмысливаются на вторых с использованием карнавального смеха. Однако это не означает только высмеивание «официальных» текстов, а предполагает осмысление созданного в оппозиции к официальному тексту как самостоятельного и создающего множество собственных интерпретаций.

Это создает новый текст, который может существовать лишь на границе двух породивших его: «Таким образом, исходно предполагается существование двух степеней объективности: мира, принадлежащего языку (т. е. объективного, с его точки зрения), и мира, лежащего за пределами языка» [2].

Одним из наиболее простых методов воплощения пограничного текста в сферу предметного бытия, его осознания и структурирования является удвоение и повторение. Рифма и такт позволяют не просто эстетизировать текст, но и воспринимать его на чувственном уровне, что создает некоторый терапевтический эффект. Повторение, пропевание, кричание одного и того же текста не теряет смысл потому, что текст создан как результат контекстов и является смыслом сам по себе, поэтому меняется не то, что передается, а тот, кто принимает. Для достижения такого эффекта необходима всеобщая карнавальная включенность, подобная архаической обрядовой включенности, когда каждый, кто находится в карнавальном хронотопе, становится его участником. Ситуация такого всепоглощающего участия создает особое творческое напряжение и вдохновение, когда невозможное становится возможным.

Таким образом, карнавал становится способом рефлексии действительной жизни через призму карнавального смеха. Рассмотрим наглядно проявление карнавальной концепции культуры, предложенной Михаилом Бахтиным, на примере актуальных карнавальных событий современности. В ходе исследования использованы методы: включенного наблюдения, феноменологический и семиотический. Параметрами для исследования послужат критерии карнавала, выведенные М. Бахтиным, а также описанные его последователями основные характеристики явления: универсальность, амбивалентность, неофициальность и утопизм.

Рассмотрим основные критерии карнавала. Противопоставление серьезным и официальным формам празднеств и церемоний порождает двумирность (бинаправленность сознания). «В противоположность официальному празднику карнавал

торжествовал как бы временное освобождение от господствующей правды и существующего строя, временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов. Это был подлинный праздник времени, праздник становления, смен и обновлений. Он был враждебен всякому увековечению, становлению и концу» [1]. Таким образом, реальная форма жизни в карнавале существует одновременно с ее «возрожденной идеальной формой».

Свобода от религиозного догматизма, так как карнавал отрицает всякую сакральность; несерьезность, обусловленная приверженностью естественной природы человеческой праздности; наличие игрового элемента и конкретно-чувственного характера, что позволяет карнавалу находиться на границах искусства и жизни: «В сущности, это – сама жизнь, но оформленная особым игровым образом»; всенародность и процессуальность, так как «пока карнавал совершается, ни для кого нет другой жизни, кроме карнавальной»; отмена иерархических отношений: идеалом карнавального мироощущения виделась полная человечность отношений, которая переживалась в материально-чувственном контакте; свобода как единственный и общеобязательный закон: «Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, которому все причастны. Таков карнавал по своей идее, по своей сущности, которая живо ощущалась всеми его участниками»; особый язык форм и символов, праздничность как «первичная форма человеческой культуры»; смех: праздничный, всенародный, амбивалентный, имеющий миросозерцательную природу, прославляющий человеческое, утопическое и универсальное; логика обратности, которая заключается в пародийности и ироническом переосмыслении реальной жизни, но не отрицающая ее тотально, а стихийно «возрождающая» и «обновляющая»; а также отношение ко времени и связь с кризисными периодами.

Двумерность карнавала имеет общекультурный и личностный уровни: феномен существует в официальном, серьезном

и рациональном мире, выполняя в нем определенные функции, сам являясь неофициальным и оппозиционным всякой категории официального, таким образом противопоставляя себя наличествующей культуре, но являясь ее отражением и «изнанкой». Также карнавал протекает одновременно в общественном, общенациональном контексте и в сознании отдельной личности участника, так как карнавал не сводится только ко внешнему воплощению, а протекает параллельно в сознании участников.

Современный карнавал свободен от религиозного догматизма, так как его действие предполагает освобождение от всякого рода устойчивых систем «обыденной жизни» и поведенческих стереотипов. Даже те, кто в повседневности не обладает явной харизмой, в условиях карнавала раскрываются творчески и артистически, так как данный феномен охватывает всех без исключения. Несерьезность современного карнавала проявляется в избегании им как религиозного, так и политического догматизма, выраженного в «единстве множественности, не сводимой к единственности», и принятии участниками своего бессознательного начала, естественной природы удовольствия и праздности. Единственным условием современного карнавала становится отрицание предшествующей действительности с господством морального релятивизма, поэтому можно говорить о догматизме не иконическом, а символическом, сущностном, который касается морали и служит объединяющей силой современного карнавала. Именно в условиях современного карнавала происходит описанная Левинасом этическая ответственность за другого, которая становится ядром карнавала и движущей силой современного диалога культур.

Игровой элемент современного карнавала проявляется в соотношении карнавала и игры. В нем нет активных или пассивных составляющих, потому что все участники составляют единую игровую субстанцию карнавала. Современный карнавал безусловно обладает конкретно-чувственным характером. Выплеск эмоций и следующие за ним радость и эйфория, близость с окружающими и ощущение карнавала как единого орга-

низма – все это является проявлениями чувственной и иррациональной его природы.

Во время самого карнавала остальной мир не имеет такого значения, как вне феномена: «Пока карнавал совершается, ни для кого нет другой жизни, кроме карнавальной» [1]. На карнавале не существует участников и наблюдателей, так как каждый его элемент является соучастником. Всенародность мероприятия также проявляется во всеобщей инклюзивности и сосредоточении участников друг на друге, а процессуальность – в сосредоточении на процессе и постоянной радости, смехе, преодолевающем всякий страх, «здесь-бытии», непосредственном существовании в данном хронотопе. На карнавале не существует никаких иерархических отношений, все его участники равны друг перед другом, объединены общей миссией и карнавальным смехом. Современный карнавал связан с категорией свободы таким образом, что он отрицает любого рода насилие и принуждение и является протестом этим агрессивным аспектам человеческого бытия. Сама суть современного карнавала в том, чтобы освободиться от оков жестокости, что постоянно провозглашается на самих мероприятиях. Поэтому свобода от насилия на карнавале является и единственным правилом, и обязательным законом.

Особый язык форм и символов современного карнавала присутствует везде: во внешнем виде участников, в текстах, которые они выражают, во всех перформансах и музыкальных произведениях, как невербальных, так и вербальных. Однако, несмотря на обилие вербально выраженных текстов, можно говорить, что карнавал в своей сути явление невербальное, нелинейное и чувственное – его семиотический язык формируется посредством образов, выраженных во всех доступных формах: все виды текстов, написанных на бумаге и произнесенных вслух, музыка и песни, танец, говорящий и пародийный внешний вид участников, цветовое кодирование и так далее. Так, например, многочисленные короны на карнавале служат элементом кодирования самопровозглашенного короля, а одежда определенных цветов наполнена смыслами этих цветов.

Современный карнавал обладает природой праздника, однако не в таком содержательном и мирозерцательном понимании, как, например, религиозные традиции. Праздность современности имеет скорее эскапистский характер, сочетающийся у участников карнавала еще и с явным отрицанием существующей нормативной и легитимной системы. Генеральным инструментом отрицания служит всеобщий смех, оценивающий, выражающий отношение к существующей действительности, веселый и одновременно насмешливый, высмеивающий, отрицающий и утверждающий, хоронящий и возрождающий. Карнавальная смеховая деятельность проявляется и иконично, в виде эмоции, экспрессии и улыбки участника, и символично, выражаясь во всех возможных образах и формах, которые демонстрируют его логику обратности: переодевания, пародии и травести, шум и гротеск.

Современный карнавал также связан с категориями пространства и времени. Он имеет свою длительность, привязанную к природному и историческому времени. Это обуславливает недавний карнавальная «взрыв», что небезосновательно связывает карнавал с кризисными периодами. Активизируясь как своеобразный ресурс, карнавал способен, с одной стороны, уравновесить общество, подверженное кризису, с другой – наглядно продемонстрировать культурно-исторические трансформации в крайне высокой концентрации культурных кодов и текстов. Таким образом, современный карнавал неизбежно является своеобразным возрождением и обновлением жизни, преподнося реальную жизнь как «ее возрожденную идеальную форму» [1].

Исходя из проведенного анализа можно утверждать, что современный карнавал, согласно концепции М.Бахтина, универсален для всех (всенароден, процессуален, отменяет иерархичность, свободен), амбивалентен (обладает двуми́рностью, праздничным началом, смехом и логикой обратности), неофициален (обладает игровым и конкретно-чувственным элементом, несерьезен, имеет свой символический язык) и утопичен

(освобождает от всякого догматизма, в том числе религиозного, всегда относится ко времени и связан с кризисными явлениями). Карнавальная концепция культуры русского ученого утверждается как актуальная и предлагает свою объяснительную модель для современных карнавальных событий, которые являются конкретным воплощением культурно-исторических трансформаций, моментом «культурного взрыва» и той самой границей, необходимой для истинного Диалога культур.

Литература

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 544 с.
2. Лотман, М. Ю. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. – М.: Гнозис, «Прогресс», 1992. – 272 с.
3. Усовская, Э. А. Основные концепции культуры: учеб. пособие / Э. А. Усовская. – Минск: БГУ, 2014. – 152 с.